

СБОРНИК РАССКАЗОВ

ОДНАЖДЫ

ПРИКЛЮЧИЛОСЬ

16+

Жанна Ди

Однажды приключилось

«ЛитРес: Самиздат»

2021

Ди Ж.

Однажды приключилось / Ж. Ди — «ЛитРес: Самиздат», 2021

В наших сборниках вы можете погрузиться в абсолютно разные эмоции и антураж. Но именно эмоции в этот раз вышли на первое место. Слезы, удивление, сомнения и, конечно же, радость. Желаем вам приятного чтения и искренних эмоций.

Содержание

Чертёнок	5
Пробуждение начала. Inter Mundes.	9
За стеклом	12
Тик-так	15
Знак бесконечность	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

**Жанна Ди, Рия Трип, Мария Линева,
Алеся Турбан, Инна Фохт, Лариса
Пржевальская, Юлия Заморская, Ирина
Трушина, Ольга Гузова, Татьяна Нырко,
Юлия Михоношина, Ирина Ломакина
Однажды приключилось**

Чертёнок

Старый чёрт, надев очки,
Пролистал отчёт,
После вынес свой вердикт,
Произнёс: «Не чёрт».

*

Чертёнок прыгал у стола:
– Я чёрт! Вот видишь, рожки!
Гляди, я вовсе не крылат,
Копыта есть на ножках!

*

– Да, внешне чёрт ты, но в душе
Ты белый и крылатый.
Ну всё, иди давай уже,
Не зли народ рогатый!

*

Чертёнок шмыгнул, вытер нос.
– Я докажу вам всем!..
И чёрным вихрем между звёзд
На Землю полетел.

*

Влетел в весенний городок,
Искал чертёнок жертву.
Парень один его привлёк –
Стоял у парапета.

*

В костюм был праздничный одет,
Парню лет двадцать только,
В руках держал из роз букет,
Стоял и плакал горько.

*

Внизу весенняя река,
Стекая с гор, шумела,
Чиста вода и глубока
И силе нет предела.

*

Присел чертёнок на плечо,
Ладонями потёр.
«Ну всё, ты точно обречён!
Всем докажу: я – чёрт!»

*

А парень на водУ глядел:
– Как ты могла предать? –
Твердил. Чертёнок захотел,
Причина в чём, узнать.

*

Он руки протянул к реке –
Утихла гладь воды –
Чертёнок видит вдалеке:
ЗАГС, гости и сваты.

*

Стоит взволнованный жених
И ждёт свою невесту.
Всё будет хорошо у них,
Теперь по жизни вместе –
Мечтал жених... Но вдруг звонок:
«Не жди, я не приеду...».

*

И вот уже, «не помня ног»,
Идёт он к парашюту.
В ушах звучат её слова:
«Я не люблю, прости».

*

Ах, как кружится голова,
А пульс стучит: «Не жди».
Чертёнок руки опустил –
Река вновь зашумела.

*

Тут с парнем он заговорил:
– Чего ревёшь без дела?
Она унизила тебя.
Ты ничего не значишь.

*

Мечтал о свадьбе ты, любя.
В итоге горько плачешь.
Разбито сердце, и оно
Уже не заживёт.

*

Ты вытри слёзы и на дно.
Смелей, река зовёт!
Покончи разом ты со всем,
Прерви свои страдания.

*

Там боли нет и нет измен,

Пустого ожидания.
Есть лишь покой и тишина,
И вечная свобода.

*

А плачет пусть потом она.
Давай же, прыгай в воду!
Парнишка выбросил букет,
Тревожно озираясь.

*

Он перелез за парапет,
В уме со всем прощаясь.
Остался шаг, последний вдох,
И прекратятся муки.

*

Ну что ж, чертёнок, ты неплох!
Гляди, слабеют руки...
Но тут чертёнок осознал,
Что натворить сумел он.

*

Он парню громко закричал:
– Остановись! Не делай!
Смотри, сады цветут вокруг,
И ярко солнце светит.

*

Слышишь? Звонит твой лучший друг.
Ты не один на свете!
А мама? Ждёт тебя она,
Волнуется и ищет.

*

Ведь жизнь не просто так дана!
Ты ещё молод, слышишь?!..
Парнишка вдруг в себя пришёл,
С глаз спала пелена.

*

Вздыхнул чертёнок: «Хорошо,
Жизнь парня спасена».
А тот обратно перелез
И сел на пыльный мост.

*

– Но как я оказался здесь?
Не помню ничего.
Вдруг видит девочка идёт
(Как жар, копна волос),
В руках коробочку несёт
И вытирает нос.

*

Девчонка к парню подошла,
Стесняясь, вдруг спросила:
– Может, вам кошечка нужна?

Мне мама запретила.

*

Велела выбросить её,
Сейчас нам не до кошки.
Вы посмотрите на неё,
Она такая крошка.

*

Глаза у девочки блестят
И голос очень звонкий,
Веснушки на носу горят –
Забавная девчонка.

*

Парень на кошечку взглянул
Пятнистую, смешную.
– Конечно, я её возьму.
Ну как не взять такую?!

*

Девчонка кошку отдала:
– Спасибо вам большое!
А парень сам себе сказал:
– Я не один, нас двое...

*

Чертёнок за кустом сидел
Цветущей облепихи.
На парня с кошкой глядел
И радовался тихо.

*

Вдруг зачесалась у него
Спина между лопаток.
Чёрт сам не понял, отчего
Стал белым и крылатым...

Автор Инна Фохт

Пробуждение начала. Inter Mundes.

Линева Мария @sleepweltoys

В бескрайнем космосе вероятностей парят, вращаясь, обитаемые миры. Такие разные: техногенные и магические, сферические и эллипсоидные, населённые гуманоидами и иными разумными расами. Сотни и тысячи миров, живущих своей жизнью.

Каждым мир родился из мысли своего демиурга и был населён Богами, которые принесли в него жизни и разум. Он рос и развивался. Полудикие племена кочевников превращались в высоко организованные цивилизации, жители которых более не нуждались в Богах.

Цивилизации уничтожали одна другую, вырождались, обращаясь прахом и забвением. Потому что не было уже в мире Создателей, способных спасти своих детей. Ибо ненужные Боги покидали свои миры, уходя за грань.

Никто из созданий не знал, куда они уходили, где приклоняли уставшие головы, давали отдых натруженным рукам.

Это место не существовало ни на физическом, ни на астральном, ни на энергетическом плане бытия. Не было ни миром, ни его изнанкой. Нечто «между». Граница. Пунктирная линия, ставшая пространством. Inter mundos.

Плотный белый туман клубился, лишая возможности воспринять реальные очертания и формы предметов. Густая хмарь то обрисовывала контуры реки, то стены крепости, то бескрайнее поле опаловых колосьев. Однако, в безмолвной мути не было ничего вещественного и сущего. Мир «между» спал.

Тонкий ломаный луч ярко-синей молнии волной пробежал по белым тучам над холмом. В неясном неверном свете электрического разряда хмарь отступала, стягивая пушистое туманное одеяло. На холме проявилась и оформилась, будто соткалась, собралась из мглы фигура. Женская.

Линии стройного, почти хрупкого тела закутаны в бледную дымку, как в погребальный саван. Серовато-белое, будто выточенное из камня, лицо с высокими скулами и острым подбородком, обрамляли пряди таких же неживых серовато-белых волос.

Женщина казалась живой, дышащей, но спящей. И в то же время выглядела каменной статуей, вышедшей из-под резца величайшего из зодчих. Или будто древнее чудовище взглядом обратило в камень уснувшую у её логова красавицу?

Туман медленно отступал от женщины, освобождая тело и одежду. В бурлящем небе снова сверкнула и покатила синяя молния, а за ней пришёл рокочущий низкий утробный рык грома, в нём слышался призыв, заклинание, имя спящей.

«М-м-м-г-г-л-л-А-А-А-А», – протяжный зов раскатом разнёсся по всему пространству «нигде».

Ткани савана каменной женщины стремительно трансформировались, меняли цвет и фактуру, обретали объём и наливались самой жизнью. Длинные хрупкие пальцы с аккуратными острыми хищными чёрными коготочками дрогнули, разгоняя густую после забвения кровь. К алебастровой коже стремительно возвращался живой вид, черты лица смягчались, и не стало сомнений, что на холме не статуя, а живая женщина. Длинные волосы цвета первого снега шевелил робкий, будто неуверенный в себе, ветер. Он ласкал, гладил по волосам, по щекам, по губам ту, что спала, приветствуя её пробуждение.

В третий раз по небу, ставшему тревожно свинцовым, пробежала молния, и вновь грянул нетерпеливый призыв: «МГЛА!..» Эхо разнесло его во все уголки странного, туманного места и вернуло к вершине холма, где лежала она.

Густые серые ресницы дрогнули, веки зашевелились, и Мгла распахнула блестящие глаза. Эти абсолютно чёрные без зрачков и радужки очи отражали свет первых звёзд, видевших рождение Вселенной.

Женщина медленно села, вытянув вперёд длинные ноги. Мгла повела плечами, отчего каскад белых волос шквальной волной упал на спину, и вытянула вперёд руки. Провела взглядом по длинным хрупким пальцам, униженным перстнями с потускневшими камнями. Свет больше не играл на их мёртвых гранях.

– Печальное зрелище, – лёгкий шёпот женщины ветерком пробежал по вершине холма и полетел вниз к подножью.

* * *

МГЛА:

Тело ломит, каждый вздох причиняет боль. Мне кажется, что мои вены высохли за время долгого сна и теперь по ним течёт не кровь первых, а песок, так царапает всё внутри. Я чувствую невообразимую тоску и одиночество. Мир вокруг тусклый, серый, туманный. Опустошённый.

Я сижу на вершине холма и медленно после тысячелетнего сна осознаю себя частью мироздания. Живой. О, как прекрасно быть живой! Даже в «нигде» есть воздух и ветер. И я вновь чувствую искры жизни, которыми буквально наполнена Вселенная.

Медленно провожу рукой по голой почве возле правой ноги и слышу отклик семян, спящих внутри. Направляю своё тепло в землю, наполняю энергией жизни. Лёгкая дрожь бежит по поверхности холма, дерн шевелится, выпускает наружу тонкие былинки травы. Серой полупрозрачной почти бесцветной, но живой травы!

Внезапно меня накрывает щемящее чувство неполноценности, оторванности, будто часть меня вырвана с мясом. И я вою, а по щекам текут горячие злые слёзы. Жизнь без красок невыносима и неполноценна. Жизнь без него есть боль. Острая потребность найти и соединиться с тем, кто давно стал частью меня, подбрасывает моё тело вверх. Миг, и я уже лечу туда, куда стремится моё сердце.

Чёрные неприветливые скалы острыми зубами вспарывают клубящиеся недоброе небо. Я опускаюсь на крохотный уступ перед неприметным входом в пещеру и, не медля ни секунды, бегу внутрь. Мои шаги гулко отдаются в тишине чёрного провала. Вперёд. Ещё немного. Уже скоро. Наконец-то!

Крохотная пещерка могла быть даже уютной, если бы не могильный холод, ледящий моё древнее сердце. В кромешной тьме я различаю очертания каменного ложа. Меня пронзает горькая мысль:

«Жёстким и холодным было твоё базальтовое ложе, единственный мой».

В *Inter mundos* время идёт размеренно и неощутимо, но даже оно споткнулось и замерло вместе со мной. Ужас и отчаяние парализовали меня в ту же секунду, когда я увидела, что осталось от любимого лица.

«Нет, не может быть! Он должен был уснуть, как и я. Уснуть, но сохраниться целым!» – панические мысли бьются в голове, как злые оводы, а сердце стонет: «Зачем? Зачем мне пробуждение и новая надежда без него?»

На каменном ложе, в окружении чёрного окаменевшего савана, я вижу белый череп в короне из чёрных волос. О, как я любила заплетать ему косы! Его руки обратились костями, но всё так же сложены на груди, как в тот последний день.

В бессильной злобе и ярости потери я колочу руками о чёрный гранит его савана. Я разбиваю их в кровь, срывая три ногтя до мяса, но разве можно назвать это болью? Моя кровь смешивается со слезами и падает, падает на мёртвую грудь любимого.

Обессилив, я опускаюсь на каменное ложе возле останков того, кто был для меня всем. Сознание затапливает спасительный морок: «Пусть эта пещера станет нашей общей могилой».

Внезапно в моё сознание иглой врывается зов, которого я не слышала тысячи тысяч лет. Я слышу зов своего ребёнка, зов крови. Но как это возможно? Я пережила всех своих детей и их потомков! Во всех мирах не осталось ни капли моей, НАШЕЙ С НИМ крови.

Меня накрывает волной радости и надежды! НАШ ребёнок! Где-то на просторах Вселенной там есть наша с ним частичка. Но что это? Почему тело больше не чувствует холода камня? Я страшусь вновь открыть глаза, боюсь снова увидеть кости, пустые бездушные останки моего супруга.

Моей щеки касаются тонкие холодные пальцы. Натруженные и шероховатые, но в то же время удивительно нежные. Его руки. Я распахиваю глаза и вижу такое родное лицо. Его удивительные белые глаза с вертикальной линией зрачка смотрят нежно и выжидающе.

– Я думала, что потеряла тебя навсегда, – говорю я, сплетая наши пальцы.

– Я думал, что кошмарное одиночество никогда не закончится, – произносит мой возлюбленный и тянется к моим губам.

Волны тепла и силы лепестками гигантского радужного цветка расходятся от нас, наполняя светом и цветом мир «между». Созидая, рождая, наполняя силой жизни.

Рука об руку мы выходим из пещеры, чтобы начать жизнь заново. Чёрное и Белое, Мужчина и Женщина. Мрак и Мгла. Породившие всё.

За стеклом

Лариса Пржевальская @writer_pani_larissa

Крадучись, гелО приблизился к стеклу и осторожно заглянул в комнату. Там горел только тусклый ночник. Но его света хватило, чтобы разглядеть кровать и спящую на ней девушку.

гелО не мог точно сказать, как давно он наблюдал за жизнью обитателей комнаты по ту сторону стекла. А их на его памяти сменилось с десятков. Поначалу гелО не понимал, почему жильцы, заметив его, так странно реагируют. Те, чья психика оказалась покрепче, спешно съезжали с арендуемой квартиры. А вот особо впечатлительные натуры отправлялись напрямик в дурку. Ведь их рассказы про увиденного жуткого монстра бригада скорой психиатрической помощи, вызванная родственниками, принимала за галлюцинации помутившегося рассудка.

По правде говоря, гелО не мог вспомнить, как оказался в этом замкнутом пространстве. Он вообще не помнил никаких событий из своей прежней жизни. Просто однажды гелО пришёл в себя здесь, где единственным развлечением стало подглядывать за жизнью тех, кто находился по ту сторону. Иногда гелО намеренно попадался на глаза квартирантам, если их присутствие наскучивало ему или утомляло однообразием жизни. Душераздирающие вопли и перекошенные от увиденного кошмара лица жильцов развлекали и вносили хоть какое-то разнообразие в монотонное существование без особых событий. А ещё гелО понятия не имел, как выбраться из заточения, где вместо двери была только прочная гладь стекла, а за спиной – чернильная пустота без конца и края. Поначалу он хотел было уйти, но выхода из этой пустоты не оказалось. К тому же у гелО ещё оставалась крохотная надежда, что стеклянную перегородку можно как-то разбить или открыть, вот только как? А наблюдение за жильцами хоть как-то развлекало и скрашивало его пребывание в этом странном месте.

Но когда в комнату за стеклом въехала эта спящая на кровати девушка, гелО переменялся. Он не спешил показываться ей на глаза. Ему хотелось, чтобы она как можно дольше не съезжала. Теперь гелО осторожничал и с жадным нетерпением ждал возвращения девушки, когда она уходила из квартиры куда-то. А ведь раньше такого с ним не случалось.

Алина проснулась среди ночи в холодном поту. Снова это ощущение пристального взгляда, от которого пробирала дрожь. Её очень нервировало большое, немного помутневшее от времени зеркало в старинной раме под бронзу, что находилось напротив кровати. По вечерам ей иногда казалось, что в отражении комнаты мелькали неясные тени. И поэтому она подолгу не могла заснуть, беспокойно ворочаясь в кровати.

Зато днём Алине даже нравилось позировать перед старинным стеклом и представлять, что на стене висит её портрет в полный рост, нарисованный известным художником. Но как только угасал дневной свет, зеркало неуловимо менялось. Словно открывало портал в потусторонний мир, откуда может неожиданно выглянуть нечто злое. Эта странная перемена пробудила в Алине давно забытый детский страх темноты, и поэтому она спала при свете ночника.

Вот и сейчас ей показалось, что в глубине сумрачного стекла что-то мелькнуло так быстро, за чем человеческому глазу уследить не под силу.

– Мне всё это чудится спросонья, – прошептала Алина. Она стала делать глубокие вдохи и медленные выдохи, пытаясь успокоиться и не поддаваться желанию укрыться одеялом с головой. Именно так она пряталась от пугающих монстров в детстве и искренне верила, что никакие чудовища, обитающие в ночном сумраке, не смогут найти её, надёжно скрытую от их глаз.

«Уф, чуть не попался!» – промелькнуло в голове у гелО, потерявшего бдительность. Видимо, слишком пристальный его взгляд разбудил Алину. Он еле-еле успел пригнуться, когда девушка вдруг резко села в постели и посмотрела в его сторону.

Выходит, гелО ошибся, когда подумал, что ночью можно без опаски подойти вплотную к разделяющему их стеклу и без привычной осторожности рассматривать тонкие черты лица Алины. Он был рад, что она спит при свете – так лучше видно.

А вот по утрам гелО приходилось прятаться в самом дальнем углу, чтобы наблюдать, как Алина расчёсывала и собирала в хвост свои длинные светлые волосы. Делала лёгкий макияж и улыбалась своему отражению. В такие моменты гелО воображал, что улыбка Алины предназначалась ему – пленнику этой чёртовой западни.

Когда Алина уходила из квартиры, гелО впадал в забытье и оживлялся только при звуке вставляемого в замок ключа. Через открытую настежь дверь комнаты ему было видно, как девушка снимала в прихожей обувь и верхнюю одежду, а потом проходила в ванную и на кухню.

Он терпеливо ждал, пока Алина готовила ужин, ела, мыла посуду. Зато потом она приходила в комнату и подолгу сидела за письменным столом. В это время гелО осмеливался подойти к стеклу чуть ближе и смотрел, как девушка что-то писала в толстой тетради. Иногда она задумывалась, грызла кончик ручки и снова принималась строчить. К счастью, в это время Алина не глядела в сторону зеркала. Хотя по напряжённой позе было заметно, что девушка чувствовала себя неудобно.

Тонкие пальцы, хрупкие кисти рук, длинные стройные ноги, изящная фигурка... гелО отходил от стекла и, закрыв глаза, мысленно представлял образ Алины. Это помогало продержаться до того момента, пока девушка не сменит яркое сияние настольной лампы на приглушённый свет ночника.

Ещё немного, и можно будет подойти вплотную к стеклу и смотреть на занимающую все его мысли красавицу до самого утра, пока громкая трель будильника не сообщит о начале нового дня.

Но, как оказалось, у Алины слишком чуткий сон. Что было бы, если бы девушка заметила пристального смотрящего на неё гелО?!

Но сегодня Алина выглядела грустной: уголки губ опущены, в глазах блестели непролитые слёзы. Утром она не улыбнулась своему отражению. гелО не понимал, в чём причина такой перемены в её настроении. Не выпалась? Приснился плохой сон? Он не находил себе места и метался из угла в угол. Что-то определённо случилось, гелО чувствовал это. Но как помочь Алине? Что он может сделать, запертый в этой западне?! Он ждал вечера и надеялся, что настроение Алины изменится к лучшему.

Когда за окном стемнело, в замке повернулся ключ, и девушка зашла в квартиру. Но на этот раз она была не одна – с ней пришёл рыжеволосый кудрявый парень. Рослый и нескладный, он казался неуклюжим великаном рядом с миниатюрной девушкой. «Ну просто клоун из цирка! Какого чёрта он припёрся сюда?!» – с раздражением подумал гелО.

Минувя комнату, Алина с парнем прошли на кухню. Вскоре оттуда послышались звуки откупориваемой бутылки и льющегося в бокалы вина.

гелО ощутил болезненный укол ревности. Алина не смеет никого сюда приводить! Время по утрам и вечерам принадлежит только ему одному! Он не допустит, чтобы кто-то третий встал между ним и его малышкой Алиной!

Гнев сработал, как спусковой крючок. Забыв об осторожности, гелО бросился к прозрачной преграде и изо всех сил надавил руками на толстое стекло. Затем в бессильной ярости забарабанил по нему кулаками.

Гостем Алины был Павел – друг её пропавшего жениха Олега. Полгода назад Олег уехал в другой город, где ему предложили хорошую работу. Нашёл там квартиру и ждал, когда Алина закончит институт и переедет к нему.

А потом Олег куда-то пропал. Хозяева квартиры, которую он снимал, не стали ждать окончания расследования и потребовали забрать все вещи. Полиция, руководствуясь принципом "Нет тела – нет дела", не особо рьяно занималась поисками.

Тогда Алина решила самостоятельно выяснить, что же могло случиться с Олегом. Сняла ту же самую квартиру, в которой он жил до своего исчезновения. И очень надеялась, что это поможет ей напасть хоть на какой-то след. Но за три месяца поисков далеко не продвинулась. Все, кто был знаком с Олегом, отмечали, что он сильно изменился незадолго до того, как пропасть. Завёл дружбу с подозрительными личностями. Поговаривали, что мог увлечься сатанизмом.

Алина отказывалась верить в эти рассказы. Неужели она так плохо знала своего жениха?! Разве мог Олежка так резко измениться за то короткое время, пока они были в разлуке?

В поисках Олега ей помогал Пашка. По его поведению Алина уже давно догадывалась, что Павел безответно влюблён в неё, хотя он никогда не позволял себе ничего лишнего в отношении девушки своего лучшего друга.

Вдруг повторяющийся глухой стук в комнате привлёк их внимание. Первой туда заглянула Алина и завопила от страха. Из зеркала на неё смотрел Олег!

Мертвенно-бледный, с чёрными провалами вместо глаз и нарисованной на лбу пентаграммой, он выглядел словно оживший мертвец. А перерезанное от уха до уха горло и большая дыра в том месте, где когда-то билось сердце, внушали ужас и отвращение.

– Олег?! – дрожащими губами прошептала Алина. – Как ты там оказался?!

Прибежавший на крик Павел сначала остолбенел от увиденного. Потом схватил со стола тяжёлую металлическую пепельницу и запустил ею в зеркало, целясь в голову скалящегося разъярённого монстра.

Раздался звон разбившегося стекла. В лежащих на полу осколках Алина видела медленно тающий образ монстра, в которого превратился Олег. Павел взял за руку перепуганную девушку. Мысленно Олег-гелО благодарил их за спасение из заточения. Наконец-то его неприкаянная душа покинула свою темницу навсегда.

Тик-так

Юлия Заморская @zamorskaya_ua

Дверной звонок прозвучал в тишине резко, словно выстрел. Я подскочила от неожиданности и побежала открывать. И как я могла забыть о госте?

– У тебя ещё не включили отопление? – удивился Гена, заходя в квартиру. – Даже на лестнице, по-моему, теплее. А здесь прям могильный холод.

– Ой, а ты прям знаешь, какой он – могильный холод? – съязвила я. – Проходи, сейчас чаю горячего заварю, согреешься.

Гена разулся, расстегнул куртку, но снимать её передумал.

– А можно я так? – он посмотрел на меня своими большими влажными, как у оленя, глазами и широко улыбнулся.

– Проходи, – кивнула я.

Пока грелся чайник, Гена разглядывал мою съёмную квартиру.

– Так странно, – задумчиво сказал он, вернувшись в кухню. – Почему у тебя так холодно? Батареи-то шпарят на полную.

И в подтверждение своих слов поёжился.

– Отопление включили недавно, квартира большая, прогреться как следует, ещё не успела, – предположила я.

– А, ну может, – ответил Гена неуверенно.

Я разлила по чашкам вишнёвый пуэр. Бодрящий чай помогал сохранять работоспособность до поздней ночи. После переезда это было весьма актуально – работы прибавилось. А тут ещё и внезапный ученик свалился как снег на голову.

Гена – муж подруги и отец моей крестницы. Из-за кризиса он потерял работу и сейчас проходил переобучение на бухгалтера. Но он скорее «лирик», чем «физик». К тому же редкостный тугодум. Я не могла спокойно смотреть, с каким скрипом даётся ему новая профессия и вызвалась помочь. На свою голову.

– Ну что, по чаю и за работу? – предложила я.

– А кто здесь жил до тебя ты, случайно, не знаешь? – проигнорировал мой вопрос Гена.

– Когда я разбирала стол, нашла завалившуюся за ящики фотографию девушки. И она явно была сделана недавно. Так что, думаю, до меня здесь жила она. Но это не имеет отношения к нашему общему делу, друг Гена. Ты мне лучше скажи, какие вопросы у тебя возникли по бухучёту.

– Ты знаешь, Маш, я лучше пойду, – засобирился внезапно Гена. – В другой раз объяснишь.

Он проворно надел ботинки, застегнул куртку, которую так и не снял, выскочил за дверь, обернулся и спросил:

– Маш, может, лучше у нас поработаем? Например, в субботу. Танька обещала испечь шарлотку. Приходи, а?

– Если с работой разгребуться, обязательно, – кивнула я.

– И звони, если что, ладно?

– Если что, Ген?

– Ну, мало ли, что-то странное будет, – загадочно ответил Гена.

– Хорошо, обещаю.

– И вообще, – он остановился на нижней ступеньке пролёта и посмотрел на меня, – сменила бы ты лучше жильё, Маша. Что-то в этой квартире не так.

– Иди уже! – устало отмахнулась я и захлопнула дверь.

Квартира как квартира. Живу здесь уже неделю, и всё отлично. Прохладно немного – ну и пусть, в прохладе работается лучше. Зато соседи не шумят, и техника работает как часы. Хотя нет. Часы в квартире как раз не работают.

Старинные напольные часы стояли в зале, рядом с таким же старинным деревянным шкафом. Хозяин квартиры, улыбчивый кругленький мужчина предпенсионного возраста, разрешил мне пользоваться всей мебелью и техникой. Даже этим шкафом, больше похожим на антикварный лот, чем на предмет гардероба. Всем, кроме часов.

Он несколько раз акцентировал моё внимание, что эти часы не надо трогать. Не надо их открывать, пытаться запустить, и тем более даже думать не надо, чтобы вызвать мастера для починки. Но я и так об этом не думала.

Все мои мысли сейчас занимала работа. К утру надо было сделать промежуточный вариант отчёта и хоть немного поспать. Но как только я села за компьютер, в прихожей раздалась нежная трель звонка. Я не сразу пошла открывать, потому что больше никого не ждала и надеялась, что непрошенные гости уйдут. Но кто-то очень настойчивый не желал мириться с моим игнором.

Яростно сверкая глазами, я распахнула дверь, надеясь недобрым видом отбить у звонящего желание отвлекать меня от работы. И вполне своей цели добилась – две рыжие близняшки, лет десяти на вид, отпрыгнули подальше от злой мегеры, появившейся на пороге. Заметив испуганные лица девочек, я поняла, что перестаралась.

– Здравствуйте, – затараторила одна из них, видимо самая смелая, уставившись на меня зелёными глазницами. – Наша мама – старшая по подъезду. Она приглашает вас на чай в это воскресенье, чтобы познакомиться.

Так вот оно что! Я напугала дочек местной старшины. С одной стороны, мне не особо хотелось водить дружбу с соседями, с другой – я намеревалась остаться здесь надолго, и мне бы не помешало одобрение мамы этих девчушек. Чтобы исправить ситуацию, я сменила маску мегеры на приветливую улыбку, жестом пригласила девочек и ласково добавила:

– Заходите.

Близняшки неуверенно топтались на пороге.

– Да заходите же, я не кусаюсь! – открыла дверь пошире.

Наконец, разговорчивая рыжуля взяла свою молчаливую сестру за руку и потянула за собой в квартиру. А мне показалось, что в моей тёмной прихожей сразу стало светлей и уютней от мелькающих рыжих хвостиков и любопытных взглядов сестричек.

– Конфеты любите? – поманила я их за собой в кухню.

Разговорчивая девочка энергично закивала и пошла за мной. А её сестрёнка, казалось, вообще меня не слышала. Она направилась в зал и спустя несколько секунд оглушительно завизжала. Я бросила пакет с конфетами и понеслась туда.

– Там кто-то есть, – прокричала близняшка. Она стояла напротив сломанных часов, застывшая, словно большая кукла, с вытянутой вперёд рукой и указательным пальцем показывала на витринное стекло древнего механизма.

– Конечно, твоё отражение, – ответила я, как можно спокойней, подходя к девочке.

– Нет! – взвизгнула та. – Нет! Я не хочу быть там!

– Не слушайте её, – подскочила к сестре разговорчивая девчушка, – она у нас странная. Уля, пойдём домой.

И схватив сестру за руку, потянула её к входной двери.

– Она уже там! И ты тоже будешь! Уходи! – кричала странная рыжая девочка, пока сестра тащила её к двери.

Да что ж такое сегодня с людьми творится?! Может, магнитная буря? Хорошо ещё, никто из соседей не вышел на эти душераздирающие крики.

Внезапная мысль проскочила в моём разуме тревожной искрой, но погасла прежде, чем я успела её разглядеть. Надо было идти работать.

Готовый отчёт я отправила только под утро. Поставила будильник. И едва моя голова коснулась подушки, провалилась в липкий беспокойный сон.

Мне снился хозяин квартиры, такой же кругленький, но уже не такой добродушный. Он почему-то явился без предупреждения и, ступая грязными ботинками по ковровину, прошёл в зал. Михаил Ильич, если я правильно запомнила его имя-отчество, не улыбался, а скорее, лыбился, зло и жутко. От этой его улыбки по моему позвоночнику пробежал холодок, и я покрылась гусиной кожей.

Хозяин квартиры взял с полки шкатулку, вытащил оттуда блестящий чёрный ключ с витиеватой головкой и шагнул к часам.

«Нет!» – попыталась закричать я. Но из моего рта не вырвалось ни звука.

Михаил Ильич открыл стеклянную дверцу и вставил ключ в отверстие на циферблате. Несколько оборотов, и внутри что-то щёлкнуло, звякнуло. Часовой механизм пришёл в движение, пробуждая все остальные свои части. Зашагали по кругу стрелки, закачался маятник. Тик-так. Тик-так.

Я почувствовала, что куда-то падаю. «Тик-так» – бьётся моё сердце. Тик-так – туда-сюда внутри ходит маятник. Тело словно деревянное. Перед глазами – заляпанное стекло, а за ним – жуткая ухмылка хозяина.

Я пытаюсь кричать, но единственный звук, который могу воспроизводить – «тик-так».

Будильник вернул меня в реальность. Я открыла глаза, пошевелила пальцами, усилием воли успокоила бешено снующие в голове мысли.

Надо вставать и собираться на работу. Если бы ещё не гудела голова, и не дрожали руки... Но сегодня пятница, а значит просто надо пережить один день. А завтра можно спать хоть до обеда!

Почему же до сих пор в квартире так холодно? Окна вроде новые, батареи горячие. Неожиданно на меня накатила волна страха. Вспомнился жуткий сон. Но я убедила себя, что это просто кошмар, а в реальности всё как обычно: старинные часы не работают, шкатулка стоит запертой на своём месте. Проверить бы, что внутри. Но я не знала, где ключ от неё, и рыться в вещах хозяина квартиры не собиралась.

Наскоро собравшись, я выбежала из подъезда.

– Привет! – в один голос закричали рыжие близняшки. Они сидели на качелях и махали мне руками – одна правой, другая левой.

Их рыжие хвостики торчали из-под одинаковых вязаных шапочек. Я помахала им в ответ. Сейчас я не могла понять, кто из них «странная», а кто – «разговорчивая», девчонки вели себя абсолютно одинаково. Они соскочили с качелей и подбежали ко мне.

– А мы сегодня с мамой стих-загадку выучили, – сказала одна, наверное, «разговорчивая». – Хочешь послушать?

Я не хотела обижать девочек, хоть и спешила на работу.

– Валяйте! – кивнула я улыбаясь.

– Он на нотном стане. Он рекою станет, – начинала одна.

– Гайку, болт он отвернёт и замочек отомкнёт, – подхватила другая.

– Если знаешь, то озвучь слово – это будет...

Девочки замолчали и одновременно мне подмигнули. Улыбка сползла с моего лица, а по спине, как в сегодняшнем сне, поползли противные липкие мурашки. Я молча развернулась и быстрым шагом поспешила прочь.

Весь рабочий день я ходила сонная и рассеянная. На каждом углу мне мерещились рыжие девочки и ключи. Но самым мерзким казалось тиканье часов. Если раньше я его просто не замечала, то сейчас слышала со всех сторон. «Тик-так», – звучало в голове. «Тик-так», – отзывалось сердце. Ближе к вечеру я начала думать, что схожу с ума. Надо было хоть что-то выяснить.

Я зашла в свой подъезд и позвонила в первую же попавшуюся квартиру. Дверь мне открыла девочка лет пятнадцати в футболке с логотипом популярной социальной сети и радужных легинсах. Ритмично двигая челюстями, девочка жевала жвачку.

– Привет, – сказала я. – Ты не знаешь, в какой квартире живёт старшая по подъезду? У неё ещё две рыжие дочки, близняшки.

– Чего? – округлила глаза девочка со жвачкой. – Нет у нас в подъезде никаких рыжих близняшек. И старших тоже нет.

– Может твоя мама их знает? – не унималась я. – Позови её, пожалуйста.

– Родокон нет дома, – ответила девочка тоном гопника из подворотни и захлопнула передо мной дверь.

И что теперь? Получается, либо девочка не знает всех жильцов в подъезде, либо я схожу с ума!

Сзади скрипнула дверь. Я обернулась. Хрупкая седовласая женщина в трикотажном платье винного цвета помахала мне рукой, приглашая войти.

– Ты из сто двадцать восьмой? – спросила она, закрывая за мной дверь.

Я кивнула.

– Пойдём, чаю сделаю, поболтаем, – предложила гостеприимная соседка.

И, не дожидаясь моего ответа, направилась на кухню.

– Спасибо, не откажусь, – я поплелась за ней.

– Меня зовут Серафима Петровна, – представилась старушка.

– Приятно познакомиться. А я – Маша.

– Я слышала, Машенька, о чём ты с Ленкой разговаривала, – призналась Серафима Петровна. – Ты ведь не первая про этих рыжих девчонок спрашиваешь.

Я аж похолодела.

– А кто ещё?

– Месяца три назад в мою дверь позвонила девушка. Сказала, что квартирантка из сто двадцать восьмой. Такая же бледная, как ты, один в один, – соседка покачала головой. – Я ей отвечаю: «Нет у нас в доме девочек-близняшек, ни рыжих, ни каких других. И старшей по подъезду давно уже нет. Теперь всё решает ТСЖ». Я-то думала у неё с головой того, – Серафима Петровна покрутила пальцем у виска. – А потом я близняшек этих вспомнила. И мать их тоже, она была как раз старшей по подъезду. Чёрный или зелёный?

– Что? – непонимающе уставилась на неё я.

– Чай, спрашиваю, какой заварить: чёрный или зелёный?

– Всё равно, – махнула я рукой. – Так в какой квартире они живут?

– В сто двадцать восьмой и жили. Лет двадцать назад. А потом пропали. Я уж и не помню, что там была за история, время немилосердно стирает нашу память, – она вздохнула. – А потом объявился наследник, нынешний хозяин квартиры. Кем он им приходится, я так и не поняла.

– Я уже вообще ничего не понимаю, – жалобным голосом сообщила я. – Я что, призраков видела?

– Не знаю, – развела руками Серафима Петровна. – Всё возможно. Я хоть в привидений верю, но самой видеть ни разу не доводилось.

– А та девушка, которая к вам приходила, что с ней?

– Да откуда же я знаю, милочка. Не видела я её больше.

– Фото! – озарило меня. – Вы узнаете её на фото?

Старушка пожала плечами:

– Возможно.

Я достала из сумочки ту самую найденную за ящиками в тумбочке фотографию, которую непонятно зачем таскала с собой всё это время.

Серафима Петровна достала из футляра очки и водрузила на нос. Повертела в руках фото, кивнула и сказала:

– Да, вроде похожа.

– А другие квартиранты? Вы о них что-нибудь знаете?

– Видела периодически девчонок разных. Но не особо внимание обращала. Не моё это дело, милая. Он уже давно эту квартиру сдаёт. Но я ж не налоговая, ни за кем не слежу. Не шумят, чистоту в подъезде соблюдают, и Бог с ними.

Как только я вышла от Серафимы Петровны, сразу набрала подругу:

– Тань, а можно я у вас пару дней перекантуюсь? У меня тут с квартирой проблемы, надо съехать.

– Не вопрос, – с готовностью ответила Таня. – Прислать к тебе Генку на помощь?

– Да нет, я на такси. Пусть лучше меня потом у вашего подъезда встретит. Как подъеду, позвоню.

Все мои вещи уместились в чемодан и большую дорожную сумку. Если что-то и забыла в суете, не беда. Жаль было оставлять такую большую благоустроенную квартиру, да ещё и заплаченную на месяц вперёд. Но вся эта история с привидениями, ключами и часами мне больше не нравилась.

В голове мерзко пульсировал навязчивый «тик-так», смешанный с ноющей болью. Слабость сковывала тело. Из последних сил я подхватила сумку и ручку чемодана и пошла к входной двери.

Я шла, шла и никак не могла пройти. А в голове всё громче звучало: «Тик-так. Тик-так». Тело потяжелело и не хотело слушаться.

Телефонный звонок, словно спасательный круг, вырвал меня из этого мучительного состояния.

– Ну, ты где? – раздался встревоженный голос Гены. – Уже почти полночь, а ты звонила в девять. Неужели у тебя так много вещей?

– Полночь? – спросила я, не узнавая свой голос – тусклый и еле слышный.

Одеревеневшие губы не хотели двигаться. Телефон выпал из немеющих пальцев. Я слышала, что Гена что-то продолжает говорить, но смысла уже не понимала. Осознавала, что никуда не иду, а неподвижно стою в центре зала, прямо напротив сломанных старинных часов, но что-то изменить сил уже не было. Тик-так.

Послышался скрип входной двери и чьи-то тяжёлые шаги по ковровину. Я не могла сдвинуться с места. Моё тело стало словно деревянным.

В зал вошёл Михаил Ильич, и, увидев собранный чемодан, криво усмехнулся:

– Ну и куда ты собралась? Твоё время закончилось, дорогуша. Теперь твоё место там, – он кивком показал на часы. – Тик-так. Слышишь? Некуда больше спешить.

Хозяин квартиры подошёл к полке, где стояла запертая шкатулка, достал из кармана маленький ключик. Открыл шкатулку и вытащил из её недр блестящий чёрный ключ с витиеватой головкой. Всё происходило, как в моём сне.

– Ну вот скажи, зачем тебе время? – словно оправдываясь, спросил меня Михаил Ильич. – На что ты его тратишь? Ведь вся твоя жизнь – бесконечная работа, которая, по большому счёту, никому не нужна. Я уже давно заметил, что такие пустышки, как ты, тратят драгоценное время впустую. В то время как у гениев, вроде меня, его ничтожно мало! Мне понадобилось почти два века, вдумайся только – двести лет! – чтобы довести до ума моё изобретение, –

он кивком головы показал на часы. – Я научился забирать лишнее время у бесполезных людей. Более того, я могу запасать его и продавать тем, кому оно действительно необходимо. Но всего этого не случилось бы, если бы я прожил только одну жизнь! Что можно успеть за какие-то несчастные пятьдесят-семьдесят лет, а? Да у меня на одни опыты ушло больше! Несмотря на все мои усилия, некоторым душам удалось вырваться. Они теперь так и гуляют по свету, неуспокоенные. Но это лишь малый процент...

Хозяин квартиры ласково, как любимого пса, погладил деревянный бок старинных часов.

– Та девчонка, что жила здесь до тебя и многие другие квартирантки – они все здесь. Скоро и ты к ним присоединишься, дорогая. У меня уже есть покупатели на ваше «лишнее» время. Осталось только завершить преобразование. А для этого не хватает совсем чуть-чуть, – он приблизил свои короткие толстые пальцы к моему лицу, чтобы показать, как мало ему не хватает. – Во-от такой мелочи, как ты.

Михаил Ильич захохотал, растягивая губы, похожие на мясистых гусениц, открыл витринную дверцу часов и вставил ключ в отверстие на циферблате.

«Нет!» – пыталась закричать я. Но из моего рта не вырвалось ни звука.

Несколько оборотов, и внутри что-то щёлкнуло, звякнуло. Часовой механизм пришёл в движение, пробуждая все остальные свои части. Зашагали по кругу стрелки, закачался маятник. Тик-так. Тик-так.

Я почувствовала, что куда-то падаю. «Тик-так» – билось моё сердце. Туда-сюда внутри заходил маятник. Тело стало словно деревянное. Перед глазами – заляпанное стекло, а за ним – жуткая ухмылка хозяина. Я пыталась кричать, но единственный звук, который у меня получился – «тик-так». Сон превратился в явь. Это конец.

Послышался дружный топот бегущих ног, мелькнули за стеклом рыжие хвостики. Я видела, как девочки-близняшки встали напротив часов и, взявшись за руки, начали что-то говорить. Видела, как упал, держась за сердце, хозяин квартиры. Как застонало и взорвалось осколками витринное стекло. Как выпал чёрный блестящий ключ с витиеватой головкой. Я почувствовала, что лежу на жёстком ковровине посреди зала. А девочки все повторяли и повторяли слова той загадки. И смотрели на меня.

Борясь со слабостью, я поползла по жёсткому ковровину к часам и подобрала ключ.

– Против часовой! – закричали хором обе сестры.

С трудом поднявшись, я дотянулась до отверстия и уже почти вставила в него ключ, когда Михаил Ильич с отчаянным криком схватил меня за лодыжку. Я еле устояла на ногах, пнула хозяина что было силы, зажала ключ крепче, в последнем отчаянном рывке вставила его в этот адский механизм. И резко прокрутила против часовой стрелки.

Хозяин часов закричал, забился в судорогах на полу. А потом просто исчез. Часы пошли в обратную сторону.

Уже отключаясь, я увидела, как из недр старинного механизма выплывали прозрачные силуэты людей. В основном девушек и женщин. Они превращались в золотистый свет и, рассыпаясь искорками в воздухе, исчезали без следа. Я слышала, как с глухим стуком на ковёр упал ключ, как скрипнула в прихожей дверь, и кто-то ещё прошагал по ковровину. Но сил больше не было, и моё сознание утонуло в надвигающейся тьме.

– Маш, Маш, очнись, – надо мной нависла подруга Танька.

Гена стоял рядом и брызгал мне в лицо водой из пульверизатора.

Я села на полу, прислушалась к своему состоянию. Голова не кружилась и не болела, тело слушалось. И противного тиканья больше не было!

– Всё хорошо, – ответила я на их расспросы, – просто голова закружилась. Наверное, я слишком много работаю.

– А здесь стало гораздо теплее, – заметил Гена. – И спокойнее. Пойду-ка я сделаю нам всем кофе.

Той же ночью я уехала из сто двадцать восьмой. И хоть опасности в ней больше не было, я не могла заставить себя остаться там даже на день. К тому же, я боялась, что рано или поздно кто-нибудь заинтересуется этой бесхозной квартиркой и её исчезнувшим хозяином. И не хотела, чтобы это связали со мной. Я всё закрыла и бросила ключи в почтовый ящик.

А через месяц мне позвонили из нотариальной конторы и пригласили к ним в офис. Высокий усатый нотариус сообщил, что некий человек, пожелавший остаться неизвестным, завещал мне ту квартиру. Также завещатель оставил сумму, покрывающую все расходы на оформление документов и огромный пухлый конверт лично для меня.

Я вскрыла его уже дома. Внутри была фотография, на которой две улыбающиеся рыжие близняшки со смешными хвостиками, торчащими из-под одинаковых вязаных шапочек, махали руками. Одна левой, другая правой. И чёрный блестящий ключ с витиеватой головкой.

Знак бесконечность

Рия Трип @riya_trip

– Работаем, девочки, не отвлекаемся! – прозвенел мелодичный, но приглушённый голос инструктора.

Белинда вздрогнула. С самого утра у неё в ушах стоял непонятный звон, но подумать о природе его появления она не могла: работа отнимала все силы. Белинда состояла в женской энерго-группе и целыми днями выращивала золотистые колоски. Чем выше вырос колосок, тем он становился мощнее, распределяя силу по всему стебельку.

Энергия являлась основой всего: из неё строили здания, мастерили одежду и даже готовили пищу. Однако для достижения результата энерго-работницы трудились с раннего утра и до позднего вечера с редкими непродолжительными перерывами. Чтобы колоски выросли и не начали увядать, девушки проводили над ними различные ритуалы: тёрли ладошками тонкие стебельки, пели молитвы, склоняясь к зёрнышкам, и танцевали. Танцы представляли собой парные хороводы вокруг растения каждой из участниц. Ритуалы чередовались один за другим в строгой хронологической последовательности.

Минуту назад стихли звуки молитвы, и инструктор напомнила, что наступило время танца. Белинда и её лучшая подруга Кларисса – невысокая рыжеволосая девушка с детским личиком, трудившаяся на соседнем колоске, взялись за руки и закружились. Энерго-работницы обходили каждое из растений и вырисовывали своими движениями знак бесконечность. Золотистые гиганты мгновенно начали выпрямляться, а воздух забелел. Это значило, что энергия готова осесть на землю в виде пылицы, почти прозрачной, тонкой и едва ощутимой, но с потрясающим сладким запахом, словно свежие ягоды из домашнего огорода. Ещё немного усилий энерго-работниц, и отряды сборщиков получат сигнал для сегодняшнего обхода.

– Твой колосик такой высокий и мощный! – с восхищением прошептала Белинда, пока энерго-работницы продолжали кружиться. – Моему никогда его не догнать!

– Да брось ты! – фыркнула Кларисса и окинула растение встревоженным взглядом, – высокий до той поры, пока ночное племя не придёт и не сломает его...

Подруги помрачнели и замолчали. Буквально вчера жители ночи срубили самый высокий колос в их группе, и девушке пришлось начать всю работу с нуля. А это значит, что её ждёт самая низкая награда и вынужденный голод, поскольку зарплата работниц зависела от размера их личных растений. Колос Клариссы являлся вторым по величине, и теперь ему грозила опасность. Даже сам вождь дневных жителей не мог помешать злым умыслам их главных врагов – злобного ночного племени.

Оба народа проживали в одном поселении, но никогда не пересекались. Дома дневных и ночных людей располагались с разных сторон от огромных полей. Пока дети солнца трудились от рассвета и до заката, тёмное племя сладко спало. Но стоило измождённым участникам энерго-групп сомкнуть веки и уйти в сонное царство, как их соседи просыпались и отправлялись на грабежи. В энергии нуждались все, однако ночной народ предпочитал не сажать свои колоски, а рубить выращенные дневными жителями, получая из них силу неведомым грязным способом. Как же Белинда с Клариссой мечтали поймать их с поличным и отдать на суд верховного вождя! Но, к сожалению, людям света запрещалось выходить из дому по ночам. Так заведено уже свыше сотни лет, и никто не решался нарушать это правило. В детстве Белинда частенько просыпалась задолго до рассвета и вглядывалась в темноту комнаты, однако боялась дойти даже до уборной – слишком уж много страшилок она наслушалась. О том, что покидать

постель по ночам опасно – сквозь стекло грабитель увидит движение, ворвётся в дом и похитит ни в чём не повинного ребёнка. О том, что дети тьмы владеют чёрной магией, и способны обратить дневного малыша в мерзкого чертёнка. Или вовсе испепелить человека солнца одним лишь взглядом. Девочка, конечно же, верила в эти рассказы и никогда не покидала кровать, а лишь лежала, пытаясь уснуть обратно, и тряслась от страха. Однако за всю её недолгую жизнь ни один ночной злодей так и не ворвался в дом их семьи. Как и в любой другой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.